Л. Тихомировъ.

О НЕДОСТАТКАХЪ КОНСТИТУЦІИ 1906 года.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1907.

Госуд. книжный фонд

ГЖ 2.78
Т 576

Л. Тихомировъ.

О НЕДОСТАТКАХЪ

КОНСТИТУЦІИ

1906 года.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1907.

П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
1989
ГЭ-1-С278 Р
Т576
ИЛ.
БИБЛ... ИМЭЛ при Ц.И.В.К.П.С.С.
С.С.С.Р. ИНСТИТУТ Ц.И.В.К.
3063/30
59287

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра представляетъ собою содержаніе сообщеній, сдѣланныхъ мною 4 іюня сего 1907 года въ С.-Петербургскомъ „Клубѣ Умѣренныхъ и Правыхъ“, и затѣмъ 15 іюля въ Московскомъ „Монархическомъ Собраніи“.

Между двумя этими чтеніями была незначительная разница лишь въ томъ отношеніи, что въ „Клубѣ Умѣренныхъ и Правыхъ“ я подробнѣе раскрывалъ юридическія несообразности законовъ 1906 года, а въ Московскомъ „Монархическомъ Собраніи“ подробнѣе остановился на національной дезорганизаціи, ими производимой. Къ со-

жалѣнію, на обоихъ чтеніяхъ недостатокъ времени принудилъ меня лишь слегка упомянуть о чисто-кодификаціонныхъ недостаткахъ этого законодательства, которые такъ велики, что уже сами по себѣ требовали-бы серьезнаго пересмотра нынѣшняго I тома Свода Законовъ.

На коренную основу слабости этой конституціи, то-есть на непониманіе значенія Верховной Власти въ государствѣ, я уже раньше обращалъ вниманіе Россіи и Правительства путемъ печати въ рядѣ статей: въ *Колоколѣ*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Московскомъ Голосѣ*, *Свѣтѣ*, и особенно подробно говорилъ относительно этого въ *Новомъ Времени*. Къ сожалѣнію, у насъ не только въ общественныхъ, но и въ правящихъ сферахъ, не достаточно ясно сознаніе внутреннихъ законовъ государственности. Въ настоящемъ чтеніи я задался

цѣлью, систематическимъ анализомъ нашей конституціи, показать, какъ нарушеніе этихъ природныхъ законовъ, заложенное въ государственный строй, роковымъ образомъ, шагъ за шагомъ, приводитъ къ анархіи и въ практической жизни страны.

Левъ Тихомировъ.

31 іюля 1907 г.

О НЕДОСТАТКАХЪ КОНСТИТУЦІИ 1906 ГОДА.

I.

Глубокіе недостатки Законовъ Основныхъ и о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, которыми 23 апрѣля 1906 года была создана такъ-называемая нынѣшняя „конституція", были очевидны съ самаго начала для всякаго знакомаго съ государственною наукой. Для указанія ихъ не было надобности даже въ опытной провѣркѣ. Но эта горькая опытная провѣрка все-же выпала на долю Россіи, и годовое существованіе конституціи 1906 года было годовымъ приведеніемъ страны въ анархическое состояніе...

Законы эти оказа́лись столь невозможными, неосуществимыми, что въ настоящее время, послѣ Манифеста

3 іюня сего года, мы, въ сущности, уже и сами не знаемъ — что у насъ законъ, и что не законъ.

Такое состояніе, однако, не можетъ продержаться сколько-нибудь долгое время. Своеобразное твореніе 1906 года такъ или иначе неизбѣжно рухнетъ. Но именно въ виду этого намъ теперь необходимо какъ можно внимательнѣе вникнуть во всѣ его ошибки и грѣхи, чтобы устранить его не путемъ какихъ-либо катастрофъ, а путемъ сознательной мирной перестройки.

Если нужно назвать основную причину недостатковъ конституціи 1906 года, то она, конечно, состоитъ въ безграничномъ произволѣ ея создателей, въ ихъ убѣжденіи, будто-бы жизнью народа и государства можно распоряжаться какъ вздумается, совершенно не сообразуясь съ самостоятельными законами жизни націи. Такое убѣжденіе, конечно, можетъ являться лишь при очень маломъ знакомствѣ съ государственною наукой, что и проявилось въ частно-

стяхъ построенія этой конституціи. Остальное довершила невѣроятная поспѣшность работы, требовавшей глубокой обдуманности, и, конечно, въ этомъ отношеніи большой промахъ (если только это не было преднамѣренностью) составило то обстоятельство, что кодификація новыхъ законовъ не была проведена законнымъ порядкомъ чрезъ бывшій Государственный Совѣтъ...

Не вхожу, впрочемъ, въ исторію этого законодательства и отмѣчу только одну черту, для него роковую. Въ немъ сказались очевидное стремленіе къ ограниченію Царской власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность сдѣлать это явно и открыто, замѣнивъ уничтоженную Царскую власть какою-либо другою, равносильною для потребностей Государства.

Это обстоятельство было причиной того, что, подрывая Царскую власть, но не созидая ничего равносильнаго, конституція подрывала самыя основы государственности. Созидатели ея, повидимому, плохо сознавали это по-

слѣдствіе своихъ трудовъ. Точно такъ-же они совершенно не сознавали значенія національности для государства.

Между тѣмъ государство есть нечто иное, какъ организованная нація. Посему законы, опредѣляющіе государственное устройство, имѣютъ задачей и обязанностью соотвѣтствовать двумъ рядамъ условій, существующихъ внѣ воли законодателя, и которымъ онъ, хочетъ или не хочетъ, долженъ подчиниться: 1) общимъ законамъ государственности, опредѣляемымъ самою ея природой, 2) спеціальнымъ условіямъ жизни націи, которыя такъ-же не зависятъ отъ произвола законодателя.

Но конституція 1906 года ни тѣхъ, ни другихъ условій не знаетъ и знать не хочетъ, а поэтому потрясаетъ основы какъ государственной, такъ и національной жизни. Съ первыхъ своихъ основъ до послѣднихъ выводовъ она явилась, поэтому, орудіемъ не созиданія, а разрушенія.

Разсмотримъ послѣдовательно всѣ ступени ея дезорганизующаго дѣйствія.

II.

Прежде всего, вводимыя въ 1906 году измѣненія, по существу, составляли *попытку Государственнаго переворота*. Эту конституцію нельзя разсматривать ни какъ реформу, ни какъ революцію. Ея основная тенденція не улучшеніе Монархіи, а замѣна одной Верховной Власти другою. Такая перемѣна составляетъ собственно революцію. Дѣйствительно, у насъ дотолѣ Верховную Власть государства составлялъ Монархъ. Это строй давній, историческій, установленный даже учредительнымъ Земскимъ Соборомъ 1613 года.

Соотвѣтственно съ этимъ, по старымъ Основнымъ Законамъ, Императоръ былъ и именовался Верховною Властью, Самодержавною и Неограниченною. Конституція 1906 года вы-

черкнула слово „неограниченный“ и ограниченіе власти Императора провела послѣдовательно во всемъ своемъ построеніи. Статья 7 новыхъ законовъ прямо ограничиваетъ законодательную власть Императора.

Все содержаніе главы первой новыхъ Основныхъ Законовъ (именуемой, словно въ насмѣшку или по недоразумѣнію,—„О существѣ Верховной Самодержавной Власти“) есть не что̀ иное, какъ установленіе довольно узкихъ предѣловъ власти Императора. То, что̀ онъ имѣетъ право дѣлать, по пунктамъ перечисляется, и ничего другого онъ, по закону, не имѣетъ права предпринимать. Содержаніе-же правъ, отведенныхъ Императору, таково, что онъ уже вовсе не составляетъ Верховной Власти, а лишь нѣкоторую частичку ея, съ $^1/_3$ частію законодательныхъ правъ, съ довольно сильными, хотя все-таки ограниченными, исполнительными* пра-

* Между прочимъ, по ст. 24 новыхъ законовъ, даже въ порядкѣ Верховнаго управленія, Указы и Повелѣнія, издаваe-

вами, и съ совершенно - фиктивными судебными.

Кому законы 1906 года отдаютъ полноту Верховной Власти? Это для оцѣнки дѣла безразлично. Соображая совокупность разныхъ частей законовъ, можно сказать, что составители ихъ разчитывали вручить ее нѣкоторому сложному субъекту, и въ этомъ не успѣли. Но, во всякомъ случаѣ, Верховная Власть по ея существу у Императора отнята и вручена кому-то другому. Такая замѣна Верховной Власти другою—и есть то, что называется революціей. Но дѣлу конституціи 1906 года нельзя дать даже этого наименованія, такъ какъ революція все-же санкціонируется какою-нибудь высшею волей, имѣющею учредительныя права. Измѣненіе же Верховной Власти, пред-

---

мые Государемъ, должны быть „скрѣплены“ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, или хоть министрами и главноуправляющими... Что же будетъ, если гг. министры не пожелаютъ „скрѣпить“ этого акта „Верховнаго Управленія“? Л. Т.

принятое этою „конституціей“, не имѣло никакихъ учредительныхъ полномочій ни отъ Народа, ни отъ Царя (бывшаго въ тотъ моментъ законною Верховною Властью). По такой полной самовольности, попытка измѣненія Верховной Власти имѣетъ характеръ не революціи, а государственнаго переворота.

III.

Что замышленная и отчасти исполненная перемѣна Верховной Власти совершена помимо требованія народной воли,—это не нуждается въ обширныхъ и сложныхъ доказательствахъ. Хотя конституція вырабатывалась и появилась подъ давленіемъ заговоровъ, политическихъ убійствъ и вооруженныхъ возстаній, но все это не можетъ, понятно, считаться проявленіемъ народной воли именно на созиданіе того, что она совершила Со стороны народа не было никакихъ ясныхъ требованій, внушительныхъ

петицій и т. д. въ пользу измѣненія Верховной Власти. Выработка конституціи не была совершена какимъ-нибудь Земскимъ Соборомъ, а произведена въ тишинѣ канцелярій и даже въ тайнѣ. Она затѣмъ не была повергнута ни на рѣшеніе какихъ либо Земскихъ Соборовъ, ни отдана на всенародное голосованіе. Словомъ, ни въ какой законно-учредительной формѣ эта перемѣна не была ни требуема, ни подтверждена народною волей, и никакой санкціи со стороны націи она не получила.

Мало того, она не можетъ даже сказать, чтобы получила революціонную санкцію. Революціонеры, составлявшіе заговоры, бросавшіе бомбы, убивавшіе правительственныхъ лицъ и дравшіеся на баррикадахъ требовали совершенно не того, что̀ дала „конституція“.

Они на всѣ лады, устно, въ прокламаціяхъ и т. д., требовали уничтоженія Самодержавія и созыва Учредительнаго Собранія. Но конституція не дала Учредительнаго Собранія и

сохранила въ законѣ слово Самодержавіе... Революціонеры, впрочемъ, и сами немедленно заявили, что конституціи 1906 года не принимаютъ.

Но, не имѣя никакой опоры въ народной волѣ, попытка перемѣны субъекта Верховной Власти точно такъ-же совершена *безъ уполномочія воли Монарха.*

Это обстоятельство такъ важно, и его старались такъ затуманить, что на выясненіи его необходимо остановиться особенно подробно.

IV.

Воли Монарха на замѣну Его Верховной Власти какою-либо иною кодификаторы 1906 года, вопервыхъ, не имѣли права даже предположить; вовторыхъ, мы не можемъ ничего подобнаго усмотрѣть и въ содержаніи Высочайшихъ Манифестовъ, данныхъ какъ руководство Правительству для совершенія реформы государственнаго строя.

Воли Государя Императора на измѣненіе Верховной Власти не могло быть по самому характеру полномочій Носителя Верховной Власти, врученной Дому Романовыхъ Земскимъ Соборомъ 1613 года. Это давно выражено знаменитымъ историкомъ Карамзинымъ Императору Александру I-му.

„Еслибы, сказалъ онъ, Александръ, вдохновленный великодушной ненавистью къ злоупотребленіямъ Самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти,—то истинный гражданинъ державы Россійской дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: *Государь, ты преступаешь границы Своей власти.* Наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ Алтаремъ вручила Самодержавіе Твоему Предку и требовала, да управляетъ ею Верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе Твоей власти: *иной не имѣешь.* Можешь все, но *не можешь законъ-*

но (то есть юридически) ее ограничить.“

Дѣйствительно, Верховная (а потому и неограниченная) Власть Императора Всероссійскаго не есть Его частная собственность, а политическая обязанность, освященная Божественнымъ призваніемъ.

Еще при объявленіи Его совершеннолѣтія, Онъ даетъ присягу соблюдать законы о престолонаслѣдіи, и фамильнаго учрежденія, въ коихъ (ст. 178 прежнихъ и 222 новыхъ Основныхъ Законовъ) Императоръ опредѣляется какъ „Неограниченный Самодержецъ“. Это обязательство повторяется и при вступленіи на Престолъ. При св. короноваціи Императоръ принимаетъ корону и прочія регаліи послѣ рѣчи митрополита, говорящаго отъ имени народа, и объясняющаго ихъ значеніе, какъ символовъ Царской Верховной Власти, и слѣдовательно самымъ фактомъ принятія регалій Коронующійся выражаетъ свое обязательство пребыть именно тою Властью, кото-

рая Ему вручается—во имя Воли Божіей—какъ *служеніе*.

При такихъ торжественныхъ фамильныхъ и личныхъ обязательствахъ Императора, ни одинъ членъ Правительства, облеченный обязанностью кодификаціи, не имѣлъ права предположить, будто-бы Воля Императора состояла въ измѣненіи носимой Имъ Верховной Власти безо всякаго совѣщанія о семъ съ народомъ. Такого истолкованія Воли Императора никто не имѣлъ права дѣлать.

Но и въ самомъ содержаніи Высочайшихъ Манифестовъ, какъ предшествовавшихъ конституціи 1906 года, такъ и послѣ нея появившихся, мы, и уже вполнѣ положительно, не можемъ найти присутствія Воли Императора на замѣну Его Верховной Власти какою-либо иною.

Такихъ Манифестовъ было четыре, до кодификаціи 23 апрѣля 1906 г., и пятый появился 3 іюня 1907 г.

Каково-же ихъ содержаніе?

1) Манифестъ 26 февраля 1903 года требуетъ лишь единенія вѣрныхъ сыновъ Отечества для усовершенствованія государственнаго порядка, въ частности имѣя въ виду „согласованіе выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями“.

2) Манифестъ 6 августа 1905 г. рѣшаетъ „призвать выборныхъ отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ“, для чего создается „особое законосовѣщательное учрежденіе“ (Государственная Дума), но *„сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти“*.

Законъ-же этотъ, какъ извѣстно, гласилъ:

„Императоръ Всероссійскій есть Монархъ Самодержавный и Неограниченный“ (ст. 1-я Свода, изд. 1892 г.).

При этомъ права Монарха именовались *священными*, что вполнѣ согласно со смысломъ Утвержденной

Грамоты Собора 1613 года и актомъ коронаціи.

Конституція 1906 года нарушила требованіе Манифеста и позволила себѣ вычеркнуть слова „священныя“ права и „неограниченный“ Монархъ. Оправданій къ сему не имѣется и въ послѣдующихъ Манифестахъ.

3) Манифестъ 17 октября 1905 г. возлагаетъ на Правительство исполненіе слѣдующей Воли Царской, какъ въ немъ выражено: а) даровать „незыблемыя основы гражданской свободы“ (тамъ-же перечисленныя), б) расширить избирательное право, в) „установить, какъ *незыблемое правило*, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы“, и г) обезпечить выборнымъ людямъ „дѣйствительное участіе въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ (то-есть отъ Императора) властей“.

Должно обратить вниманіе, что этотъ Манифестъ не отмѣняетъ предписанія предыдущаго о сохраненіи

неприкосновенною ст. I-й тогдашнихъ Основныхъ Законовъ, а потому кодификаторы не получили права истолковывать выраженіе о „незыблемомъ правилѣ“ Думскаго одобренія въ смыслѣ ограниченія власти Императора.

4) Манифестъ 20 февраля 1906 г., установляя преобразованный Государственный Совѣтъ, равноправный съ Государственною Думой, повторяетъ:

„Мы постановляемъ впредь *общимъ правиломъ*, что со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы“.

Въ этомъ Манифестѣ опять-же нѣтъ отмѣны требованія Манифеста 6 августа 1905 г. о сохраненіи неприкосновенности закона о существѣ Самодержавной Власти, то-есть того, что „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ Самодержавный и неограниченный“.

Правительство, получившее обязанность кодификаціи новыхъ законовъ,

исказило, однако, статью 1-ю уничтоженіемъ слова „неограниченный“.

Юридически—это искаженіе совершенно безсмысленное, ибо разъ данная власть признается *Верховною*, — она тѣмъ самымъ юридически *неограничена*. Но оправдывается-ли это искаженіе установленіемъ указаннаго „общаго“ или даже „незыблемаго“ *правила* о непремѣнномъ одобреніи законовъ Государственнымъ Совѣтомъ и Думою?

Кодификація обязана руководиться совокупностью данныхъ ей матеріаловъ, а не какимъ-нибудь отдѣльнымъ въ нихъ словомъ.

Въ актѣ о престолонаслѣдіи Императора Павла I го было, напримѣръ совершенно неточное выраженіе, будто-бы Императоръ есть „Глава Церкви“. Такой умный кодификаторъ, какъ графъ Сперанскій, не затруднился однакоже разгадать истинную мысль Законодателя, и въ ст. 42 Основныхъ Законовъ (старыхъ) сказано, что Императоръ есть защитникъ и хранитель Церкви, а въ примѣчаніи

59287

пояснено, что актъ о престолонаслѣдіи назвалъ его „Главою Церкви“ именно въ „семъ смыслѣ“. Такимъ образомъ неосторожное выраженіе было надлежаще исправлено.

Передъ кодификаторами 1906 года стояла гораздо менѣе трудная задача, ибо двукратное требованіе Совѣтскаго и Думскаго одобренія выражается оба раза не словомъ „законъ“, а словомъ „правило“. Правило далеко не есть законъ, а только „руководство къ поведенію“. Въ качествѣ такого „правила“ одобреніе Думы и Совѣта и должно было быть кодифицировано, а не посредствомъ искаженія прямого смысла закона.

Какъ нужно было это сдѣлать? Это зависитъ отъ искусства кодификатора. Такъ, напримѣръ, требованіе непремѣннаго „одобренія“ могло быть введено въ законъ въ видѣ примѣчанія, съ непремѣннымъ сохраненіемъ выраженія „правило“. Оно могло быть оговорено, какъ правило установленное Государемъ Императоромъ

въ руководство властямъ, собственно во время Его правленія, или впредь до отмѣны. Оно могло быть введено и въ законъ, но съ непремѣнною оговоркой, что относится къ *обычному* пути составленія законовъ, не касаясь того, что̀ повелѣвается въ порядкѣ Верховнаго управленія.

Вообще, хотя дѣйствительно совокупность требованій Манифестовъ ставила передъ кодификаторами не легкую работу, но изъ всѣхъ способовъ исполнить ее они избрали наихудшій, наименѣе дозволительный и, какъ бы придравшись къ слову „правило“,—ввели ограниченіе законодательныхъ правъ Верховной Власти, то-есть нѣчто совершенно невозможное и нелѣпое.

Что кодификаторы 1906 года не поняли Воли Государя Императора, это не можетъ подлежать сомнѣнію въ настоящее время, послѣ Высочайшаго Манифеста 3 іюня 1907 г., гдѣ Государь Императоръ заявилъ свое право, и даже обязанность, измѣнить самолично избирательный законъ,

хотя это ему возбранялось законами, сочиненными въ 1906 году.

При этомъ Государь Императоръ прямо объясняетъ, что создавалъ Государственную Думу какъ учрежденіе, обязанное содѣйствовать Его Державной Волѣ, въ Имъ указанныхъ цѣляхъ, и давалъ выборнымъ права только для исполненія ихъ обязанности. Слѣдовательно, Императоръ имѣлъ въ виду создать учрежденіе служебное, а вовсе не какого-либо новаго носителя Верховной Власти.

V.

Такимъ образомъ, основная черта конституціи 1906 г. составляетъ совершенно произвольное измышленіе составителей, и они дали Россіи такой строй, основа котораго не истекаетъ ни изъ какой законной учредительной Воли страны.

Отсюда является совершенно неизбѣжно новое зло: *отсутствіе авторитета и прочности того строя, кото-*

рый законъ объявляетъ обязательнымъ для страны.

Прочный и авторитетный государственный строй наилучше всего развивается путемъ медленной историчекой эволюціи. Революціонные перевороты, если имѣютъ широкую санкпію народа, также могутъ давать достаточно прочное и авторитетное государство. Но отъ государственныхъ переворотовъ ничего подобнаго нельзя ожидать, особенно если ихъ думаютъ совершить изподтишка, какъ бы обманно для Власти и Народа.

Такова и вышла участь конституціи 1906 г. Едвали подлежитъ сомнѣнію, что огромное множество народа въ Россіи вполнѣ раздѣляло желаніе Государя Императора произвести реформу прежняго строя. Весьма вѣроятно, что значительныя массы расположены и къ мысли, что улучшеніе строя требуетъ привлеченія самого народа къ участію въ дѣлахъ управленія, и присутствія пе-

редъ Верховною Властью его представителей.*

Но того, что̀ создано конституціей 1906 года, никто не хотѣлъ и не хочетъ.

Противъ нея раздались всеобщіе протесты еще раньше, чѣмъ она вошла въ дѣйствіе, и все болѣе усиливались по мѣрѣ того, какъ она показывала себя на дѣлѣ. Она никого не удовлетворяетъ, всѣ желаютъ ее измѣнить въ томъ или иномъ смыслѣ, и едвали кто возразитъ, если я скажу, что нѣтъ въ Россіи ни одной партіи, ни одного направленія, которое не сочтетъ долгомъ уничтожить эту конституцію въ первый-же моментъ, какъ только получитъ на это силу и возможность.**

---

* Слово „представители нуждъ“ употреблено, между прочимъ, въ Манифестѣ 3 іюня 1907 г. Вообще въ этомъ Манифестѣ мы видимъ впервые примѣненіе двухъ терминовъ: „Царь“ (которое давно не употреблялось иначе какъ въ титулѣ) и „представители“ населенія.

** Не знаю, составляетъ ли исключеніе даже партія „октябристовъ“.

Но развѣ допустимо имѣть такой государственный строй, которому никто не сочувствуетъ, и который всѣ бы желали замѣнить какимъ-либо инымъ? Главное достоинство всякаго государственнаго строя состоитъ въ безспорномъ общемъ признаніи, а потому и въ прочности. Канцелярское-же созданіе 1906 года, не имѣющее оправданія ни въ наукѣ, ни въ волѣ Царской, ни въ волѣ народной,— никто не признаетъ *своимъ*. И это понятно: основные законы вообще не сочиняются. Чтобы быть дѣйствительными законами, они обязаны только зарегистровывать и формулировать государственно-правовые факты, созданные самою національною жизнью, и государственно-правовыя понятія націи. Въ этомъ отношеніи конституція 1906 г. діаметрально противоположна тому, чѣмъ должна быть: она вводитъ въ законъ то, чего въ Россіи нѣтъ, и чего никто не хочетъ.

Насколько-же прочна эта конституція, видно уже изъ того, что Царь,

ею якобы ограничиваемый, на самомъ дѣлѣ, какъ только пожелалъ, сдѣлалъ все, что̀ счелъ нужнымъ, безъ всякаго вниманія къ этимъ „ограниченіямъ“, и кто-же противъ этого возразилъ?

Я даже смѣло скажу, что еслибы какіе-нибудь революціонеры захватили власть и уничтожили конституцію 1906 г., то противъ нихъ могли-бы возстать за Царя, или вообще за что-либо другое, но ужь, конечно, не за то, что они уничтожили эту конституцію...

Но она не только лишена авторитетности, а, сверхъ того, даетъ такое построеніе учрежденій, при которомъ Государство не способно къ жизни, даже еслибы въ народѣ этого сначала и не замѣчали.

VI.

Государственный строй, введенный у насъ въ 1906 г., *не способенъ ни къ дѣйствію, ни къ существованію*. Это

зависитъ отъ того, что конституція, поглощенная заботой ограничить власть Монарха, въ концѣ концовъ даетъ намъ государство совсѣмъ безъ Верховной Власти. Это нѣчто столь абсурдное, что я считаю необходимымъ напомнить свидѣтельства научныхъ авторитетовъ о томъ, что *Верховная Власть* и *Государство* неотдѣлимы, такъ что если у насъ исчезаетъ Верховная Власть, то невозможно стано вится и Государство. Значеніе Верховной Власти превосходно развито у насъ въ ученіи Чичерина, но я нарочно сошлюсь на научные авторитеты Европейскаго парламентаризма. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишетъ объ этомъ французскій ученый, профессоръ *Эсменъ*, въ своемъ курсѣ „Общія основы конституціоннаго права“.

„Государство, — говоритъ онъ, — есть юридическое олицетвореніе націи, оно является субъектомъ и воплощеніемъ общественной власти. Націю въ правовомъ смыслѣ создаетъ наличность *высшей воли*, стоящей надъ волею отдѣльныхъ лицъ. Эта воля,

по природѣ не признающая *никакой высшей или соперничающей съ нею власти*, называется *Верховною Властью, Суверенитетомъ*“... Основаніемъ государственнаго права является то, что идеальный носитель суверенитета есть государство, которое, такимъ образомъ, „*сливается съ суверенитетомъ*“. Итакъ, государство и Верховная Власть неразрывны. Гдѣ есть Государство—есть Верховная Власть, гдѣ нѣтъ Верховной Власти—нѣтъ и государства.

Но,—говоритъ Эсменъ,—„такъ какъ Государство есть лицо отвлеченное, то надо чтобы Верховная Власть отправлялась отъ его имени физическими лицами (однимъ или многими).. Этотъ-то представитель и называется въ конституціонномъ правѣ Сувереномъ (Верховною Властью).“ Вслѣдствіе этого „*опредѣлить кто является въ данномъ Государствѣ Сувереномъ (Верховною Властью)—значитъ, опредѣлить самую форму Государства*“. *

* Такое значеніе Верховной Власти не есть какое-либо пожеланіе теоретика, но,

Кого-же составители нашей „конституціи“ 1906 г. опредѣляютъ какъ Верховную Власть Русскаго Государства? На словахъ они такъ именуютъ Императора. Но опредѣлить Суверена не значитъ произнести пустой звукъ. Опредѣлить Суверена—это значитъ признать его аттрибуты Верховной Власти. Каковы-же эти аттрибуты Верховной Власти, хотя-бы и по конституціонному праву?

Они состоятъ въ томъ, что власть Суверена заключаетъ въ себѣ всѣ частныя подраздѣленія власти. Верховной Власти принадлежитъ законодательная власть, то-есть установка обязательныхъ нормъ, ей-же при-

---

какъ выражается Эсменъ, „національный Суверенитетъ есть выраженіе неоспоримаго и неизбѣжнаго соціальнаго факта, ибо Верховная Власть существуетъ по согласію общей воли. Это согласіе общей воли необходимо имѣется налицо при всѣхъ формахъ Государства, какъ въ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ ограниченныхъ или абсолютныхъ“. (Стр. 136).

надлежитъ въ основѣ и осуществленіе закона, то-есть власть судебная и исполнительная. Для удобства дѣйствія, власть раздѣляется между учрежденіями, законодательными, исполнительными и судебными, которыя въ отношеніи другъ къ другу независимы, но всѣ онѣ истекаютъ отъ Суверена и ему подчинены. Каждая отдѣльная власть ограничена, но Суверенъ *неограниченъ*.

Неограниченность Верховной Власти — есть основа государственнаго права. Для болѣе твердаго запечатлѣнія этой истины, приведу свидѣтельство еще болѣе авторитетнаго англійскаго государственника *Дайси*. Вотъ какъ онъ обрисовываетъ права Верховной Власти Англіи, этого высочайшаго образчика конституціоннаго государства. (*Основы государственнаго права Англіи.*)

Верховная Власть въ Англіи принадлежитъ Парламенту, что̀ для юриста означаетъ соединеніе короля, Палаты лордовъ и Палаты общинъ. Каковы-же права Парламента? *Ни-*

какихъ юридическихъ ограниченій власти Парламента не существуетъ (стр. 44—45).

Основой Верховной Власти Парламента служитъ „неограниченная законодательная власть“. Дайси цитируетъ классическое опредѣленіе Эдуарда Кока:

„Парламентъ имѣетъ верховную и и безконтрольную власть издавать, утверждать, расширять, ограничивать, отмѣнять, возобновлять и объяснять законы, относящіеся ко всевозможнымъ областямъ духовнымъ, свѣтскимъ, уголовнымъ, гражданскимъ, военнымъ, морскимъ. Парламентъ есть учрежденіе, которому конституціей ввѣрена *деспотическая неограниченная власть*...“

Делольмъ резюмировалъ права Парламента такъ:

„Основный принципъ англійскихъ юристовъ состоитъ въ томъ, что *Парламентъ можетъ сдѣлать все*. Онъ не можетъ только превратить мущину въ женщину и женщину въ мущину...“ (49). Да и это еще вопросъ.

Дайси приводитъ примѣры самаго разнообразнаго вмѣшательства Парламента въ права частныхъ лицъ (хотя они нигдѣ не охраняются строже чѣмъ въ Англіи).

Посредствомъ парламентскаго акта, напримѣръ, наслѣдники могутъ взять наслѣдство при жизни родителей. Парламентъ можетъ признать ребенка совершеннолѣтнимъ, признать незаконнымъ ребенка, который по общему закону вполнѣ законенъ и т. д. Вообще, говоритъ онъ, нѣтъ никакого органа власти исполнительной, законодательной или судебной, который могъ-бы объявить недѣйствительнымъ „*какое-бы то ни было постановленіе Британскаго Парламента*“, даже еслибы оно было противно конституціи (стр. 103). Только самъ Парламентъ можетъ это сдѣлать.

Имѣя безграничную законодательную Власть, Парламентъ имѣетъ столь же безграничную компетенцію и въ другихъ отрасляхъ правленія: онъ назначаетъ и смѣняетъ исполнитель-

ную власть (министерство) (стр. 490). Онъ можетъ предать своему собственному суду, по политическимъ причинамъ, какую угодно власть, при чемъ опредѣленіе причины, какъ политической, всецѣло зависитъ отъ него. Онъ можетъ даже смѣнять несмѣняемыхъ судей, если этого потребуютъ обѣ Палаты (стр. 396). Такъ строго проведенная безграничная компетенція Верховной Власти (каковою является Парламентъ) именно и даетъ возможность *господства права* въ Англіи, какъ поясняетъ Дайси.

Итакъ, государство немыслимо безъ Верховной Власти, а Верховная Власть есть та, которая имѣетъ всѣ права, въ совершенно несграниченныхъ юридически предѣлахъ.

VII.

Гдѣ-же Верховная Власть того государства, которое хотѣли у насъ основать въ 1906 году? Какая власть, по этимъ законамъ, у насъ можетъ

сдѣлать *все?* Такой Власти нѣтъ. Императору дано одно лишь наименованіе Верховной Власти, но права его ограничены со всѣхъ сторонъ, въ законодательствѣ, въ управленіи, въ судѣ. Какъ я упоминалъ выше, имѣлось въ виду, вѣроятно, создать у насъ сложную Верховную Власть, изъ Императора и двухъ Палатъ. Но въ дѣйствительности и этого не сдѣлано.

Назначеніе министровъ, напримѣръ, принадлежитъ исключительно Императору. Такая независимость исполнительной власти отъ Палатъ показываетъ, что Дума и Государственный Совѣтъ не носятъ въ себѣ аттрибутовъ Верховной Власти, а суть учрежденія подчиненныя. Дума и Совѣтъ не имѣютъ даже права возбуждать вопросовъ объ измѣненіи нѣкоторой части законовъ, такъ что въ этомъ отношеніи имѣютъ меньше правъ, чѣмъ даже частный гражданинъ. Однакоже и Императоръ не можетъ измѣнять никакихъ законовъ безъ согласія этихъ подчиненныхъ учрежденій, ограниченъ ими.

Гдѣ-же, однако, полнота Верховной Власти?

Еслибы предположить, что дѣйствительная полнота Верховной Власти находится въ соединеніи Императора и двухъ Палатъ, то конституція 1906 года, вопервыхъ, совершаетъ въ этомъ случаѣ совершенно недопустимое дѣяніе, давая наименованіе Верховной Власти одному только Императору. Это обманъ, угрожающій государству тяжкими послѣдствіями, ибо ведетъ къ ссорамъ между носителями Верховной Власти и вводитъ борьбу въ самое существо Верховной Власти. Борьба-же за Верховную Власть въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя должны быть ея носителями, — есть упраздненіе государства на все время, пока кто-нибудь изъ борющихся не одолѣетъ противника.

Вовторыхъ, должно замѣтить, что при созданіи сложной Верховной Власти, положимъ, изъ трехъ носителей, все-таки необходимо, чтобы каждый изъ нихъ, и отдѣльно взятый, имѣлъ

характеръ верховенства. Если-же они въ этомъ не равноправны, то изъ нихъ невозможно составить единую Волю.

Такъ, напримѣръ, у насъ законъ можно постановить только по согласію трехъ членовъ, но исполненіе закона зависитъ уже только отъ одного. Что-же выйдетъ, если министры не станутъ исполнять постановленнаго закона? Что сдѣлаютъ Палаты? Онѣ могутъ сдѣлать „запросъ". Но что будетъ, если министры не обратятъ на это вниманія? Въ тѣхъ конституціяхъ, гдѣ Палаты суть составныя части Верховной Власти, министры будутъ низвергнуты, отданы подъ судъ и т. д. Наши палаты такихъ правъ не имѣютъ. Ясно, что они не носятъ характера Верховной Власти. Но и у Императора Верховная Власть отнята ограниченіемъ законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ правъ.

Верховной Власти, такимъ образомъ, совсѣмъ не оказывается, а если такъ, то нѣтъ и государства, и если

опредѣлять юридически смыслъ конституціи 1906 года, то приходится сказать:

Она постановила основнымъ закономъ, что Россія есть не государство, а нація, находящаяся и обязанная находиться въ состояніи анархіи.

VIII.

Эта анархія и водворяется неизбѣжно, такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ дезорганизаціи Верховной Власти, произведенной въ 1906 году, является *невозможность организаціи правильнаго правительства* и установленія *ясной политики*.

Правительство, то-есть служебныя подчиненныя власти, по существу есть не что иное, какъ исполнительный органъ Верховной Власти.

Правительство можетъ быть добропорядочно только въ томъ случаѣ, если выполняетъ на практикѣ велѣнія Верховной Власти. Только при этомъ оно можетъ быть прочно,

энергично, разумно, можетъ устанавливать для себя и всѣхъ своихъ органовъ ту или иную послѣдовательную политику, при которой и масса гражданъ своимъ повиновеніемъ и содѣйствіемъ дѣлаетъ для осуществленія мѣръ власти несравненно больше, чѣмъ принужденіе судовъ и полиціи.

Но для всего этого нужно въ исходномъ пунктѣ, чтобы существовала Верховная Воля. Если же приходится спрашивать себя: „Гдѣ Верховная Власть“? „Кого нужно въ концѣ концовъ слушать“?—то Правительства съ опредѣленною линіей поведенія не можетъ быть. Оно само тогда не знаетъ, кого слушать, съ чѣмъ сообразоваться.

Это немедленно и обнаружилось на практикѣ. Мы бранимъ ближайшія власти, но, въ сущности, несправедливо. Всѣ наши безпорядки, ужасы и безтолочь происходятъ въ основѣ не вслѣдствіе плохихъ качествъ властей и чиновниковъ, и даже не вслѣдствіе напряженія революціи. Совершенно наоборотъ.

Убѣдившись въ ясности и твердости правительственной политики, тѣ же самые судьи, чиновники и т. д. начали бы дѣйствовать стройно и энергично. Сами граждане немедленно явятся на поддержку порядка. Но для этого нужно не случайное правленіе по 87 статьѣ, отъ Думы до Думы, а Правительственное дѣйствіе увѣренное въ своей прочности и правѣ и разсчитанное на продолжительное время. Безъ постояннаго дѣйствія ясной Верховной Власти — такое Правительство дѣлается невозможно, а безъ Правительства невозможна правильная политика и гражданская жизнь.

IX.

Все это расшатываніе государственности конституція 1906 года произвела изъ желанія внести въ государственныя учрежденія новый факторъ: народное представительство. Но какъ-же она понимаетъ этотъ

факторъ, чего она отъ него ждетъ и хочетъ? Въ отвѣтъ на это приходится констатировать еще одинъ капитальный ея недостатокъ.

Вводя фактически народное представительство, конституція не даетъ себѣ отчета, для чего оно нужно, и что̀ должно оно дѣлать?

Какъ бы ни называть выборныхъ членовъ новыхъ учрежденій, во всякомъ случаѣ нужно прежде всего знать, *каковы полномочія* этихъ выборныхъ людей, и для какой надобности призываются они въ государственныя учрежденія?

Въ государственности существуютъ двѣ цѣли, для которыхъ можетъ быть организуемо выборное народное представительство. Именно: 1) Иногда къ нему прибѣгаютъ, какъ къ выраженію народной воли для созданія носителя Верховной Власти. 2) Иногда оно является формой общественной повинности, обязанности, для вспоможенія Правительству въ его работахъ.

Разумное построеніе избирательной системы и опредѣленіе правъ выборныхъ людей всецѣло зависитъ отъ того, какую изъ этихъ двухъ идей призваны они осуществлять. Что же объ этомъ думаетъ наша конституція? Никакой ясной мысли въ ней нельзя уловить.

Казалось бы, что представительства народной воли для созданія Верховной Власти у насъ не требовалось искать, ибо Верховная Власть существовала въ лицѣ Императора. Итакъ, нужно было сознавать, что имѣется въ виду дѣловое, рабочее, подчиненное учрежденіе. Не говоря о позднѣйшемъ Манифестѣ 3 іюня 1907 года, и прежніе Высочайшіе Манифесты указывали дѣловую цѣль призыва выборныхъ людей, именно для участія въ выработкѣ законовъ. Слѣдовательно, избирательная система и должна была сообразоваться съ этимъ.

Какъ же должна была она строиться? Извѣстный германскій юристъ Георгъ

Майеръ (*Избирательное право*) говоритъ:

„Законодательство можетъ по своему усмотрѣнію регулировать избирательное право. Оно не обязано предоставлять его всѣмъ гражданамъ государства... При установкѣ избирательнаго права надо считаться съ благомъ государства. Законодательство поступило-бы противно долгу, если-бы предоставило изирательное право такимъ лицамъ, относительно которыхъ можно бояться, что они сдѣлаютъ изъ него употребленіе вредное для общаго блага или опасное для государства.“

Такъ говоритъ знаменитый нѣмецкій ученый. Но у нашихъ дѣятелей не видно даже и мысли о какомъ-нибудь въ этомъ отношеніи „долгѣ“. Графъ Витте во Всеподданнѣйшемъ докладѣ (1 ноября 1905 г.) о возложенномъ на него порученіи, объясняетъ, что его Правительство намѣрено осуществить Высочайшія указанія сообразно съ „идейными стремленіями Русскаго мыслящаго

общества", которое, по словамъ графа, „переросло форму существующаго строя". Задачу свою Правительство графа Витте опредѣлило какъ „устроеніе правового строя", причемъ особенно подчеркнуто дарованіе правъ „безъ различія вѣроисповѣданій и національностей"...

Другими словами, Правительство обратило свое вниманіе не на то, чтобы организовать національную помощь Монарху (какъ ясно гласятъ всѣ Манифесты), а на то, чтобы насколько возможно больше ограничить власть Царя и ослабить Русскую національную гегемонію въ Имперіи. Это единственная идея, какую можно уловить въ начавшемся конституціонномъ построеніи. А затѣмъ никакой руководящей мысли въ установкѣ избирательнаго права невозможно подмѣтить.

Крайне расширенное, оно, однако, введено исключительно какъ право, а не какъ обязанность. Многостепенность выборовъ дала всѣ шансы побѣды организованнымъ партіямъ.

Недостаточное вниманіе къ нравственному и образовательному цензу ввело въ Думы массы лицъ совершенно негодныхъ къ законодательной работѣ. Рабочіе получили на видъ широкія права, но такъ поставленныя, что не въ состояніи были проводить ни одного своего человѣка, если не войдутъ въ союзъ съ оппозиціонною интеллигенціей.*

Въ результатѣ получились собранія выборныхъ людей совершенно неизвѣстно что̀ собою представляющихъ и для какого дѣла пригодныхъ.

---

* По новому „Положенію“ о выборахъ (3 іюня 1907 г.) избирательныя права рабочихъ поставлены еще болѣе непонятно. Для нихъ какъ будто старались обезпечить непремѣнное представительство, и въ тоже время они именно въ крупнѣйшихъ центрахъ оказались почти совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ! Не вхожу въ критику идеи законосоставителей по недостатку мѣста.

X.

Такимъ образомъ, въ довершеніе всѣхъ производимыхъ ею разстройствъ, конституція 1906 года *создаетъ еще и въ высшей степени слабый законодательный корпусъ*, который невозможно даже и сравнивать съ прежнимъ Государственнымъ Совѣтомъ.

На обрисовкѣ законодательной непригодности Государственной Думы нѣтъ надобности останавливаться. Между прочимъ, это засвидѣтельствовано уже двумя Высочайшими Манифестами по поводу обѣихъ доселѣ созванныхъ Думъ. Не будетъ, конечно, преувеличеніемъ сказать, что онѣ имѣли значеніе исключительно какъ орудіе революціоннаго возбужденія населенія и подрыва авторитета власти вообще. При этомъ, авторитетъ Правительства Думы подрывали преднамѣренно, а крайне плохимъ составомъ своимъ онѣ компрометти-

ровали въ глазахъ народа и самихъ себя, и въ своемъ лицѣ—достоинство и авторитетъ вообще законодательства. Теряя вѣру во всѣ остальныя власти, населеніе быстро разочаровалось и въ Думахъ, и въ концѣ концовъ получалась потеря народомъ вѣры вообще во всѣ государственныя учрежденія. А это составляетъ большое бѣдствіе для страны, такъ какъ даетъ привольное поле дѣйствія для чисто-анархической революціонной пропаганды, со всѣми истекающими отсюда послѣдствіями: грабежами, насиліями и подрывомъ гражданственности.

Я не возлагаю, конечно, всей отвѣтственности за современную анархію именно на конституцію 1906 года, но она могущественно способствовала развитію этой анархіи, и еслибы мы не были уже раньше въ состояніи безпорядочной смуты, то конституція 1906 года могла-бы сама по себѣ привести только къ ней. А ведя къ безпорядку и анархіи всѣмъ построеніемъ своихъ псевдо-государ-

ственныхъ учрежденій, она, какъ-бы по подсказу злого рока Россіи, не забыла довершить свое разрушительное дѣйствіе еще однимъ грѣхомъ.

XI.

Она исказила понятіе о дѣйствіи въ порядкѣ Верховнаго управленія.

Это обстоятельство до чрезвычайности важное. Среди анархіи и безпорядочности дѣйствія государственныхъ органовъ, Россія могла-бы еще находить спасеніе въ непосредственномъ вмѣшательствѣ Верховной Власти, то-есть въ такъ называемомъ дѣйствіи въ порядкѣ Верховнаго управленія. Рядъ парламентскихъ актовъ въ порядкѣ Верховнаго управленія не разъ выручалъ, напримѣръ, Англію изъ запутанныхъ политическихъ осложненій. При нѣкоторомъ вниманіи къ своему долгу, наши законодатели легко могли бы предвидѣть, что, начиная столь сложное и необычное для Россіи дѣло,

какъ введеніе представительства въ государственныя учрежденія, они будутъ особенно нуждаться въ учащенномъ непосредственномъ вмѣшательствѣ Верховной Власти въ дѣла текущаго управленія. Это имъ могла-бы напомнить еще свѣжая исторія освобожденія крестьянъ. Только постоянная готовность „дѣйствія въ порядкѣ Верховнаго управленія“, только рядъ его своевременныхъ поправокъ къ дѣйствію неудачно-составленныхъ законовъ, или къ неумѣлому ихъ примѣненію, или наконецъ, противъ всегда неизбѣжныхъ злоупотребленій и увлеченій: только такое вмѣшательство „въ порядкѣ Верховнаго управленія“ давало бы надежду благополучно провести сложныя политическія измѣненія.

Но конституція 1906 года отрѣзала отъ государственнаго корабля, пущеннаго въ водоворотъ революціи, и этотъ послѣдній якорь спасенія. Она совершенно упразднила дѣйствіе въ порядкѣ Верховнаго управленія, глубоко исказивши его смыслъ.

Дѣйствіе въ порядкѣ Верховнаго управленія есть непосредственное примѣненіе Верховной Власти, а потому можетъ совершать все, безъ всякихъ ограниченій. Что̀ можетъ сдѣлать, напримѣръ, актъ Англійскаго парламента? Рѣшительно все, что̀ захочетъ, ибо это есть проявленіе воли Верховной Власти. Наша конституція 1906 г. совершенно упразднила такое дѣйствіе.

Она наименовала „дѣйствіемъ въ порядкѣ (будто бы) Верховнаго управленія“ рядъ очень ограниченныхъ мѣръ, которыя разрѣшила Монарху принимать въ отсутствіе Думы, да и то съ обязательствомъ повергнуть ихъ потомъ на благоусмотрѣніе Думы и Совѣта. Но это вовсе не суть дѣйствія „Верховнаго управленія“, а простые акты высшаго управительнаго аппарата, и, вводя ихъ въ законъ подъ наименованіемъ якобы дѣйствій въ порядкѣ Верховнаго управленія, наша конституція тѣмъ самымъ упразднила это послѣднее.

Можно было-бы подумать, что она готова была пожертвовать чѣмъ угодно: спокойствіемъ, безопасностію, благоустройствомъ, свободой, правомъ,— лишь бы только связать, возможно больше власть Императора. Но, во всякомъ случаѣ, дѣйствуя такимъ образомъ, она въ корнѣ искажала смыслъ государственности, а въ частности, закрывая для безусловно необходимыхъ чрезвычайныхъ мѣръ всякіе законные пути, вносила къ намъ еще новое зло: появленіе дѣйствія внѣ закона и противъ закона.

XII.

Сама порожденная непониманіемъ государственной законности и неуваженіемъ къ національному праву, *она приводитъ къ необходимости дѣйствовать внѣ-законнымъ порядкомъ, и этимъ подрываетъ уваженіе къ законности, то-есть самое основаніе правильной гражданственности.*

Можно было-бы написать цѣлый томъ примѣровъ того, что Россія за годовое существованіе конституціи 1906 года живетъ не тѣмъ порядкомъ, который устансвляется ею какъ нормальный, законный, а только исключительными мѣрами и внѣзаконными воздѣйствіями. Но я укажу лишь самый яркій обращикъ этого—Манифестъ 3 іюня 1907 года.

По прежнимъ законамъ, упраздненнымъ въ 1906 году, Высочайшій Манифестъ есть одна изъ авторитетнѣйшихъ формъ закона, и это непосредственное повелѣніе Верховной Власти, установленнымъ порядкомъ изданное, составляло безспорный законъ. Но что̀ такое Высочайшій Манифестъ для конституціи 1906 года? Она совершенно не признаетъ за нимъ никакого самостоятельнаго значенія. Значитъ, съ юридической точки зрѣнія,—или Манифестъ 3 іюня не имѣетъ силы, или законы 1906 года не суть законы. Однако, они изданы подъ наименованіемъ „Сводъ законовъ, повелѣніемъ Императора Ни-

колая Перваго * составленный". Далѣе Высочайшій Манифестъ объявляетъ, что право измѣнить несовершенный избирательный законъ принадлежитъ единственно самому Государю Императору, его издавшему. Однако, въ конституціи 1906 года сказано, что никакое изданіе или измѣненіе закона не можетъ быть произведено безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Статья 92 законовъ 1906 г. гласитъ даже что „Законодательныя постановленія не подлежатъ обнародыванію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сихъ Основныхъ законовъ"... Но вотъ—новое Положеніе издано въ иномъ порядкѣ, и что же? Можетъ ли Правительствующій Сенатъ отказать въ его обнародываніи? Понятно—немыслимо. И въ результатѣ воображаемыхъ „ограни-

---

* Такое наименованіе новаго „Свода" столь глубоко *измѣнившаго* дѣйствительный „Сводъ" Императора Николая Перваго, составляетъ очень любопытную кодификаціонную черту 1906 года.

ченій“ получается только то, что воля Верховной Власти, которая по государственному праву есть источникъ закона, поставлена въ полное противорѣчіе съ закономъ.

И это противорѣчіе выражается не въ отношеніи только избирательнаго права. Высочайшій Манифестъ заявляетъ, что Государственная Дума должна быть Русскою по духу, и что прочія народности Имперіи не должны являться вершителями вопросовъ чисто-Русскихъ. Ничего подобнаго не знаетъ законъ 1906 года. Для него— всѣ подданные равны, никакого Русскаго духа онъ не знаетъ, не знаетъ и того, чтобы могли быть вопросы „чисто-Русскіе“.

Всѣ принципіальныя указанія Манифеста 3 іюня не только не осуществляются конституціей 1906 года, но нарушаются на всѣхъ пунктахъ. И что же? Вся Россія приступаетъ къ выборамъ въ Государственную Думу не на основаніи того, что сказано въ законахъ 1906 г., а на основаніи того, что сказано въ Высочайшемъ

Манифестѣ 3 іюня. Между тѣмъ у насъ изстари признано (въ качествѣ основнаго закона), что Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи законовъ, установленнымъ порядкомъ изданныхъ...

Мыслимо-ли, однако, оставаться въ такомъ положеніи, гдѣ для населенія, признающаго Волю Государя Императора, становится совершенно ничего не значащимъ писанный законъ? Воспитаніе чувства законности есть основа гражданственности, ибо если въ населеніи этого чувства нѣтъ, то и каждый въ отдѣльности гражданинъ и обыватель начинаетъ дѣйствовать, какъ ему вздумается. Невозможно-же, чтобы Государь Императоръ издавалъ для каждаго отдѣльнаго случая и человѣка Высочайшіе Манифесты, указывающіе, какъ должно поступать! Необходимо, чтобы законъ и Воля Верховной Власти—стали въ умахъ и сознаніи народа идентичными. Фантастически-произвольная конституція 1906 года производитъ въ умахъ, напротивъ, такое убѣжде-

ніе, что законъ самъ по себѣ, а обязанности наши сами по себѣ... Это положеніе безусловно-невозможное и нетерпимое.

XIII.

Къ числу серіознѣйшихъ недостатковъ законовъ 1906 года должно отнести еще то, что они *въ высшей степени плохо составлены въ чисто-кодификаціонномъ отношеніи.*

Когда сравниваешь эту работу начала XX вѣка съ работой временъ Сперанскаго въ 20 — 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, то становится даже неловко за современныхъ юристовъ. Ни послѣдовательности, ни стройности въ расположеніи частей закона, ни ясности и точности выраженій, ни общей идеи... Но говорить объ этомъ подробно было-бы довольно долго, а между тѣмъ это предметъ способный интересовать скорѣе юристовъ, чѣмъ публику. Я перехожу, поэтому, къ другой сторонѣ

законодательнаго творчества 1906 года —къ его воздѣйствію на національно-Русскія отношенія.

XIV.

Государственный строй, даваемый націи, долженъ организовать ея силы, увеличивать этимъ ея способность къ дѣятельности, а потому и повышать всенародное самосознаніе, наполняя его чувствомъ уваженія къ себѣ и родной странѣ. Дѣйствіе конституціи 1906 года прямо противоположно.

Она въ корнѣ подрываетъ гегемонію Русскаго Народа въ Имперіи. Въ рѣзкую противоположность со взглядами Государя, выраженными теперь въ Манифестѣ 3 іюня, государственное построеніе внѣ всякой національности было поставлено цѣлью реформы во всеподданнѣйшей докладной запискѣ статсъ-секретаря С. Ю. Витте по поводу Высочайшаго Манифеста 17 октября 1905 года. Онъ

выразилъ необходимость строить государство на основѣ „правъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей“, и по идеѣ, какъ онъ сказалъ, „мыслящаго общества“. Антинаціональность тѣхъ слоевъ, которые графъ Витте считалъ „мыслящимъ обществомъ“, достаточно выражена была только-что передъ тѣмъ во множествѣ предшествовавшихъ съѣздовъ, прокламацій и т. п. Съ такою исходною точкой зрѣнія—подрывъ національной Русской гегемоніи долженъ былъ стать преднамѣреннымъ.

Гегемонія Русскаго Народа въ Имперіи держалась, по преимуществу, не столько положительнымъ ограниченіемъ правъ другихъ народностей, какъ особеннымъ построеніемъ государственности. Русскій народъ дѣлался хозяиномъ въ Имперіи путемъ того, что Верховная Власть была вручена представителю именно Русскаго Народа. Не ставя Царю никакихъ юридическихъ обязательствъ, Русская идея ставила ему нравственную обязанность представлять господ-

ство Русскаго Народа. Это очень хорошо было выражено уже въ такомъ важномъ актѣ, какъ Утвержденная грамота Земскаго Собора 1613 года. Сверхъ того, Государство, врученное Царю, поставлено было въ неразрывную связь съ Православною Церковью, представляющую главную національную организацію народа. Союзъ съ Церковью закрѣпленъ для Царя уже и чисто-юридическими обязательствами въ рядѣ положительныхъ законовъ.

Таково было построеніе, обезпечивавшее Русскую гегемонію въ Имперіи, и оно-то въ корнѣ было разрушено конституціей 1906 года. Власть Самодержца была ограничена и лишена владычественнаго въ Государствѣ значенія. Политическія права были перенесены въ среду самихъ гражданъ, но даны не однимъ Русскимъ (отъ которыхъ изошли Государство и Царская Власть), а въ равной степени вообще всѣмъ народностямъ и обывателямъ Имперіи. Въ этомъ отношеніи конституція 1906

года дошла до такого абсурда, что облекла государственными правами даже такую народность, которая не имѣла еще полноты обычныхъ гражданскихъ правъ. Евреи получили право давать законы тому Государству, которое не давало имъ даже свободнаго жительства!

Такимъ уравненіемъ политическихъ правъ, гегемонія Русскихъ была юридически уничтожена. Государство перестало принадлежать имъ, а фактически дѣло вышло для нихъ еще хуже. Инородцы, какъ вообще болѣе богатые, повсюду получили по цензу болѣе широкое представительство. Сверхъ того, они повсюду несравненно болѣе сплочены между собою, тогда какъ Русскіе, въ вѣковой увѣренности, что обезпечили свою гегемонію Верховною Властью ими поставленнаго Самодержца, давно утратили привычки узкаго племенного партикуляризма, отвыкли отъ кружковщины и мелкой партійности. Такимъ образомъ инородцы получили, при вновь созданномъ по-

рядкѣ, всѣ преимущества въ партійной борьбѣ, которую конституція 1906 года сдѣлала обязательною нормой Русской политической жизни.

Не менѣе сильный ударъ получила Русская гегемонія вслѣдствіе измѣненія въ положеніи Православной Церкви.

Конституція 1906 года не измѣнила въ прежнихъ законахъ главы „О вѣрѣ". Русскій Императоръ попрежнему остался „Верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры, и блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія". Попрежнему онъ дѣйствуетъ въ церковномъ управленіи чрезъ посредство созданнаго имъ Синода. Попрежнему дѣйствуетъ Царская Оберъ-Прокуратура. Зависимость Церкви отъ Императора осталась вообще прежняя,—а между тѣмъ самъ Императоръ потерялъ независимость и былъ подчиненъ законодательнымъ палатамъ. Чрезъ Его посредство и Православная Церковь очутилась въ зависимости отъ законо-

дательныхъ палатъ. А между тѣмъ онѣ лишены всякаго вѣроисповѣднаго ценза, состоятъ безъ различія изъ Евреевъ, магометанъ и вообще лицъ всякихъ исповѣданій. Ихъ члены ни лично, ни по служебному долгу, Церкви не подчинены, Церковь-же, подчиненная Императору, въ Его лицѣ поставлена въ зависимость отъ этихъ лицъ.

Всѣ прочія церкви и религіозныя общества могутъ самостоятельно принимать мѣры (не противныя общему закону) для поддержанія внутри себя должной дисциплины и благочинія. Православная-же Церковь находится во всемъ этомъ подъ верховнымъ руководствомъ Императора. Это было очень хорошо, въ тѣ времена когда Онъ имѣлъ свободныя законодательныя права, но когда Онъ не можетъ ни измѣнить закона, ни ввести его, безъ одобренія выборныхъ людей, въ томъ числѣ иновѣрцевъ,—положеніе весьма измѣняется. Много-ли найдется законовъ, которые такъ или иначе не задѣваютъ инте-

ресовъ огромной національной Церкви? Для всѣхъ другихъ церквей и исповѣданій реформа дала увеличеніе и расширеніе правъ, зависимость-же Императора отъ Палатъ ихъ не касается, потому что онѣ сами не подчинены Императору. Православная-же Церковь, вслѣдствіе конституціи, превратилась изъ „господствующей“ въ наиболѣе зависимую.

А между тѣмъ, Православная Церковь исторически сложилась какъ главное мѣсто единенія и связи между Русскими. Внести въ церковную среду смущеніе и недоумѣніе—это значитъ подорвать ту дружность и увѣренность въ себѣ, которыя составляютъ нравственную опору Русскаго Народа въ средѣ остальныхъ племенъ Имперіи.

Понятно, что такой подрывъ всѣхъ привычныхъ основъ Русской національной гегемоніи не можетъ не отзываться гнетущимъ образомъ на нравственномъ состояніи народа, и въ этомъ отношеніи на конституцію 1906

падаетъ новая тяжелая вина передъ Россіей.

XV.

Антинаціональность ея есть одинъ изъ главныхъ источниковъ деморализаціи, охватившей Русскій народъ.

Теперь всѣ привыкли бранить Русскій народъ, пришедшій въ какое то безумное состояніе,— и оно дѣйствительно жалко и безобразно. Но нужно-же вникнуть въ душу Русскаго человѣка и понять, какъ развращаютъ его новыя условія.

Онъ до сихъ поръ воображалъ себя господиномъ Россіи, а оказался ниже всѣхъ. Онъ вѣрилъ въ мудрость прадѣдовъ, вѣрилъ, что геній Русскій создалъ возвышеннѣйшее въ мірѣ политическое построеніе. Оказалось, что все это одинъ самообманъ. Онъ воображалъ что Государство обязано хранить господство этическихъ началъ, представляемыхъ Церковью. Но все это отброшено тѣми, кому

онъ привыкъ вѣрить. Русскій народъ слышитъ насмѣшки инородцевъ надъ глупостью его самого, его предковъ, надъ ничтожностью его вѣры и того, что̀ онъ считалъ своими идеалами. И онъ видитъ, что хулители правы: по крайней мѣрѣ,—всѣ его идеалы безсильны защищать себя, падаютъ какъ бездушные идолы подъ ударами всѣхъ смѣлыхъ разрушителей.

Незыблемыя основы, на которыя онъ такъ надѣялся, безсильно очистили мѣсто совершенно противоположнымъ, а его самого, Русскій Народъ, при этомъ страшномъ переворотѣ даже и не спросили, хочетъ-ли онъ жить по-новому?

Нужно вникнуть въ подавляющую логику такихъ ощущеній. Мыслимо-ли, чтобы народъ не палъ духомъ? Вѣдь онъ потерялъ вѣру въ самого себя, во все, чему вѣрилъ; онъ ничего не понимаетъ изъ творящагося вокругъ него. Потеря-же вѣры въ себя, это—отчаяніе, это—начало оподлѣнія, которое такъ поражаетъ теперь въ несчастномъ Русскомъ народѣ. Что̀ ни

прикажи ему пригрозивши—онъ покоряется; его грабятъ—онъ покоряется, посылаютъ на грабежъ—идетъ... Это состояніе—прямая потеря своей души. Но признавъ себя, свою Родину, свою Исторію—нелѣпою ничтожностью, какъ-же и не стать ничтожностью, а сознавъ себя ничтожностію—можно-ли не опускаться въ бездну порока и преступленій?

Конечно, не одна конституція 1906 года произвела это духовное умерщвленіе Русскаго народа. Сильный толчекъ ко всеобщему паденію дала позорная война и неслыханно-позорный миръ. Но окончательный ударъ нанесенъ несомнѣнно антинаціональнымъ переворотомъ 1906 года, который самовольно подорвалъ всю Русскую Государственность, какъ-бы заявивъ Русскому народу, что онъ такая-же ничтожность въ устроеніи дѣлъ своей страны, какою оказался и въ столкновеніи съ Японцами.

XVI.

Это нравственное опустошеніе имѣетъ страшное значеніе въ смыслѣ подрыва прочности Имперіи.

Подрывъ Русской гегемоніи въ Имперіи составляетъ подрывъ самой Имперіи.

Инородцы, захватившіе господство въ Россіи, могутъ думать, что приниженность Русскихъ не вредитъ Имперіи, которую поддержатъ остальныя племена, обнаруживающія, въ противность Русскимъ, особенный подъемъ духа. Но это глубокая ошибка. Безъ Русскихъ, безъ ихъ гегемоніи, — нѣтъ Русской Имперіи. Эта гегемонія возникла не случайно, а потому что она необходима для возможности свободной государственности на пространствахъ отъ Балтики до Тихаго Океана. Среди не-Русскихъ племенъ Имперіи нѣтъ ни одного способнаго, по силѣ и государственнымъ способностямъ, замѣнить Русскихъ. Только гегемоніей 84-милліоннаго Русскаго племени держится единство Имперіи.

Изъ остальныхъ 46 милліоновъ имперскаго населенія, разбитаго на 69 племенъ, нѣтъ ни одной народности достаточно сильной для того, чтобы замѣнить насъ. Самыя многочисленныя народности, какъ Поляки, не превышаютъ 9 милліоновъ. Что̀ это въ сравненіи со 130 милліонами жителей? А устроить Имперію на основѣ федераціи 69 племенъ, столь безмѣрно различныхъ по культурѣ, языку, историческимъ традиціямъ и историческимъ претензіямъ,—это можетъ быть мечтой ребенка, но не дѣйствительностью. Три четверти этихъ племенъ смертельно враждуютъ между собою. Всѣ главныя изъ нихъ мечтаютъ вовсе не о равноправности, а о господствѣ. При первомъ же потрясеніи Русской гегемоніи уже началась рѣзня между народами Имперіи, а что̀ еще будетъ, когда двинутся Магометанскія племена, никогда не забывавшія своей мечты мірового владычества?

Нѣтъ, — безъ гегемоніи Русскихъ не можетъ быть Имперіи. Конечно,

теоретически можно себѣ представить различные способы сохраненія этой гегемоніи, но, въ той или иной формѣ, она необходима для блага даже самихъ не-Русскихъ народностей. Конституція-же 1906 года подорвала тѣ формы гегемоніи, которыя Русскій Народъ самъ выработалъ себѣ за 10 вѣковъ жизни, а никакихъ другихъ не только не дала, но и не хочетъ дать.

XVII.

Таковъ кругъ „творчества“ этого законодательнаго нагроможденія. Въ немъ собраны всѣ элементы разрушенія и ничего способнаго къ созиданію.

Созидая государство, мы должны въ учрежденіяхъ его поддержать два ряда условій:

1) разумную сообразность съ общими законами политики, 2) такую же разумную сообразность со спеціальными условіями существованія данной національности.

Конституція 1906 года въ обоихъ этихъ рядахъ условій наноситъ Россіи только разрушительные удары. Каждаго изъ нихъ въ отдѣльности достаточно было-бы, чтобы потрясти любое государство, а Россія получила оба удара сразу, какъ по чисто-государственнымъ, такъ и по національнымъ условіямъ жизни.

Мудрено-ли видѣть нынѣшнее разстройство наше? Оно неизбѣжно. Мало того, если разрушительное построеніе 1906 года не будетъ въ корнѣ измѣнено, въ самомъ ближайшемъ будущемъ,—Россія очень скоро будетъ имѣть на выборъ одно изъ двухъ: или полную гибель, или исканіе спасенія въ какомъ-нибудь революціонномъ переворотѣ.

Поэтому передъ нами теперь стоитъ настоятельнѣйшій вопросъ о радикальномъ пересмотрѣ законодательства 1906 года.

С.С.С.Р. ИСТИТУТ ...са и Ф. Энгельса ...